

Женя Голубенко

Домашнее видео

В окне второго этажа отражается рыжая кошка.

Я повернул голову и посмотрел во двор –

Там никого.

Я снова посмотрел на окно – и там уже никого.

Тень от флигеля делит двор пополам.

Солнце поднимается выше, и кошачий хвост оказывается на горячем асфальте.

Десять минут – уже и голова показалась из тени.

Поерзав, не просыпаясь, кошка опять отползает в прохладу.

Стемнело. Рыжик! Рыжик! Рыжуля!

Хозяйка шаркает ногами, вертит головой и всматривается во тьму.

Никого. Вслед за ней плетется разбухшая от котят трехцветная кошка.

(Может, жена Рыжего, может, мать, а может, и то и другое.)

Рыжуля не отзывается. Наверно, обиделся на что-то и хочет проучить обеих?

Света первый раз вывела Славика на крышу.

Он нюхает сухие прошлогодние листья. Играет с каким-то мусором.

Она не делает ему замечаний, а как-то ненавязчиво краем глаза контролирует все его перемещения. Когда нужно, Света идет и ложится в опасном месте на краю – там, где в водосточном желобе перерыв.

Каждый день она метет асфальт под своими окнами.

И каждый день приостанавливается возле уснувших посреди двора кошек.

На минуту.

Потом аккуратно, чтобы не зацепить-разбудить, осторожно обметает их веником.

Марсик старик. На шее у него воротник из коробки для торта (голова намазана мазью), а заднюю ногу он волочит – парализована. Но свои кровные пятнадцать погонных метров шиферной крыши он никому не отдаст – расстояние от водосточной трубы до слухового окна. Будет стоять до последнего куска шерсти. Никто особо и не зарится на его территорию.

Зачем ты прешься в наш двор со своей собакой?!

Разве не видишь, котята отдыхают?! – так говорил покойный дядя Женя, размахивая палкой (он хромал).

Утром он сделал ей предложение, но она отказала. Она была цветная, а он – черно-белый.

Да и хвост его ей не нравился. А вечером ее изнасиловали братья-близнецы. Бело-рыжие.

Детство. Первые воспоминания. Лапы матери, усы матери и хвост отца.

Кошка сидит на высоком дереве. Ворона бьет крыльями и кричит у нее над ухом. Никакой реакции. Ворона пристроилась на ветку сзади. Делает несколько приставных шагов, придвигается

вплотную и клюет кошкин хвост. Кошка не реагирует, она в шоке, потому что удрала на дерево от неуклюжего ветеринара. В частной клинике нет кондиционера, и они работают при открытых дверях. У вороны на дереве гнездо, и она не знает, что кошка забралась наверх от страха и боли от укула. Она пробует кошку сначала за хвост, а потом принимается клевать в голову. Вся очередь к ветеринару камнями швыряет в ворону, орет что есть мочи. Она и сама не дура, отстала – поняла, что в этой ситуации нет «ничего личного». Через два часа приехала «вышка», машина горэлектросети, за счет врача, естественно.

Василий Второй по фамилии Незлой был совсем черный. Но не душой, а телом. Вернее, шерстью. Под шерстью он был обыкновенный розовый. Он совсем не воспринимал эти игры в альфа и бета самцов, территориальные разборки и «бряцание оружием» в смысле клаяния зубами. Вася приходил на чужую крышу, тщательно смоченную мочой другой кошки, и ложился отдыхать. На недоуменные вопросы-угрозы хозяев он простодушно приглашал на свой участок: «приходите запросто, буду рад гостям». Дважды был сброшен с крыши трехэтажного дома, но так ничего и не понял, потому что Конрада Лоренца не читал.

– Валя, сколько у тебя кошек?

– Шестнадцать.

– А что соседи?

– А соседи не знают, сколько их. Если с улицы смотреть в окно, кажется, их всего пять, потому что на подоконнике больше не помещается. Еще мне подсунули козленка: купили для киносъемки, отсняли, и теперь не знают, куда его девать. У меня и собака есть, пекинес, китайской породы, но глаза-то у него русские! Вот что удивительно.

Эпифиллум филлокактус называется растение, на котором любил спать Вася. Сырость от поливки ему не мешала. В широком цветочном горшке он лежал, как в гнезде. Мешал ли он кактусу? Наверняка. Еще он ложился на кучу колющих и режущих столярных инструментов, на рассыпанные гвозди, канцелярские кноп-

ки, на любые острые осколки. Читал ли он Тургенева? Слышал ли о Рахметове? Не думаю. По-моему, на Тургеневе он даже не спал.

Странности.

Кот Сима не справлял нужду на улице. Кричал под дверью, просился в дом и несся к своему привычному с детства горшку – пластмассовому тазику, а его мать Суслик кусала за губы тех, кто громко говорил по телефону.

Кошка Саша с врожденным дефектом глаза. Поэтому ее и подкинули в недельном возрасте в глазной госпиталь, где она орала невыносимо в высокой траве. Ошибка ее матери или хозяев была в том, что госпиталь обслуживал только ветеранов Великой Отечественной войны.

Кошка Саша прекрасно видит своими полутора глазами и с мозгами у нее тоже все в порядке. Если бьющаяся об оконное стекло муха от нее ускользала, Саша мчалась к другому окну и там поджидала муху. Налицо пример логического мышления.

Жена дяди Жени ласково называла свою кошку проституткой. Но я ни разу не видел, что бы ее кошке кто-нибудь заплатил за услуги. Муру даже блядью нельзя назвать, потому что кроме грубого насилия, часто групповухи, она ничего в своей жизни не видала.

На Молдаванке в старом доме, на котором никогда не будет моей мемориальной доски (дом давно снесли), – огромный пушистый флегма-кастрат всю ночь борется со мной за середину продавленной панцирной сетки. Ветхий дом. Ветхая кровать. Ветхая хозяйка квартиры, а кот вообще соседский. За стеной курица превращается в петуха – я раньше думал, что это байки, – однако вот она берет первые аккорды, плохо, очень хрипит и, наконец, дает настоящего «петуха». В пять утра. Я недавно уснул, а кот нашел себе спокойное место на подушке за моей головой.

Друг пришел ко мне в квартиру-мастерскую. Посидел, посмотрел работы, предложил пройтись к нему домой. Прошлись. Не спе-

ша. Дома предложил перекусить. Перекусили. И только потом он сказал, зачем, собственно, он приходил ко мне. Его кота Мицыка собаки загнали на высокую акацию, и он до сих пор на ней сидит – боится слезать. Мицык моя первая снятая с дерева испуганная кошка.

Кот Мальчик знал слово «яичко». Звук разбиваемой скорлупы приводил его в экстаз. Он мог лапу засунуть в рот хозяина, если там любимая еда. Кроме этого он за двадцать пять минут съедал куриную лапу без остатка, а на голову с клювом тратил сорок минут.

Совсем новая, в смысле не старая, кошка по имени Ракета сидит на дне свежевстроенного дворового сортира на десять посадочных мест. Его еще не загадили – так, пару кучек всего там и сям. Через деревянное очко видно, как она скромно жметя на сухом пятчке цементного пола. Сколько в ней робкого достоинства. И какая сука туда ее бросила? Хэппи энд. Хозяева ее вытащили.

Пепельно-розовая персидская кошка из пятого номера выглядит, как диванная безделушка. Она часами спит на скамейке соседнего кафе и добродушно дает себя ласкать сентиментальным прохожим. Не отказывает и желающим ее сфотографировать, (непонятно, на кой ляд – таких фотографий полно, как грязи). Я видел, как она напала на большую собаку, защищая другую кошку. Чужую. Странное поведение для кошачьей эгоистичной натуры. Правда, потом оказалось – она нападает на любую собаку в своем поле зрения.

Барсик, кот Цзао Фаня (кличка Юры Иванишина), – старше хозяина на два года. Серая большая голова, свалывшаяся, неопрятная, плохо вымытая шерсть кота – признаки его преклонного возраста. Он давно «махнул на себя лапой». – Еще и глухой, – утверждал Юра и для доказательства стрелял по окуркам, разбросанным вокруг головы спящего кота из пневматической винтовки, заряженной хлебным мякишем.

Мой первый кот Василий прожил девять лет. Столько, сколько я проучился в школе. Старший брат присмотрел его у сосе-

дей через дорогу, подговорил меня нажать на мать, и вдвоем мы ее уболтали – она разрешила взять котенка. Недавно, вспомнив Васю, я обнаружил, что ничего не знаю о его личной жизни. И это обычное дело, если кошка «приходящая».

Он появился в нашем дворе уже взрослым, можно сказать, матерым, и вел себя так, будто его хозяин – рубщик мяса на рынке Привоз. Делить зоны влияния он не стал – объявил всю территорию своей, и никто не решился ему перечить. Звали его Филя. В отличие от апатичных кошек нашего двора, Филя побывал на всех чердаках, деревьях и подвалах округи. Эдакий Ермак Тимофеевич – сплошная харизма и непрерывный креатив. Жизнь во дворе стала не легче, но стала веселее. А потом он исчез. Последний раз я видел его перебегающим дорогу напротив польского консульства. Он оглянулся и прыгнул через забор на участок чужого государства. Как я сейчас понимаю, – он был резидентом иностранной разведки. Очевидно, его отозвали.

Карп Иванович, чекист старой закалки, перед тем как войти, никогда не стучал в дверь комнаты общежития отряда ВОХР. Также никогда он не ходил без своей старой собаки (не помню ее имени, может, Жук). Такая картинка в полумраке: бесшумно открывается дверь, бесшумно входит пес, а за ним сизый нос хозяйки на вихровской фуражке. Молча рука тянется на шкаф, без спроса берет чужие папиросы, и вся группа выплывает обратно.

И так день за днем, пока у кошки Чернушки не случились роды, утром, прямо на спавшем после ночной смены собаковод Федоренко (или Бабиченко?). Она съела послед, вылизала котят, пересчитала – пять или шесть, не поняла, и как раз принялась их кормить, но тут, как всегда, явилась «пара гнедых». Котята еще висели на ней, когда она вцепилась в морду собаки. Гостей смыло волной на «калидор». С тех пор Карп Иванович стал стучаться в дверь.

Кстати о собаках. Артиллерийские склады охранялись служебными собаками. Немецкими овчарками, забракованными для службы в розыске. Их ночью расставляли по периметру, и вся работа собачья была – погромче лаять. Одна овчарка с пафосным именем Эпос убежала. Может быть, дело в оскорбленном самолюбии: ей не понравилось обидное распределение – работа без перспектив и среди лузеров, может, кормежка была не ахти. Собаководы от начальства побег скрывали, а потом им подфартило. К питомнику прибилась дворняжка. Сначала она вертелась у вольеров и сопровождала на посты просто за компанию. Потом сообразили надеть ей служебный ошейник и поселили в конуре беглеца. Она была счастлива – трехразовое питание по расписанию, теплая будка и красивое непонятное, наверное, иностранное, имя Эпос. Единственное, что смущало, – ее уши. Начальство, глядя на них, не понимало, как могли прислать на службу это легкомысленное существо.

Чернушка спала, когда стрелок Макаев и начальник караула Макоев собирались на смену. Они заперли комнату на замок и ушли на сутки, забыв про кошку. Она проснулась от голода через пару часов и начала проситься наружу. А за тонкой фанерной стеной улеглись поспать пришедшие после суточной смены Миша и Витя – стре-

лок и кочегар. Крик Чернушки нарастал постепенно. Вопросы в за-
спанных головах: – Что они там, спятели, почему кошку никто не
выпустит? – сменились ясной догадкой, что заперта она случайно,
а хозяева придут только на следующее утро. Крик чем далее, тем
становился ужаснее. Интервал между воплями стал одинаковым
и очень коротким. Миша вышел в коридор и подергал дверь сосе-
дей. Она была так себе, но замок Макаево-Макоевы поставили свой,
крепкий (в комнате стоял новый мотоцикл Макоева). Ситуация вы-
глядела тоскливо-безнадежной. Спас положение Витя. Он взял мо-
лоток, залез под кровать у смежной стенки и пробил в фанере от-
верстие размером с кулак, чуть выше плинтуса. Прижавшись лицом
к дырке, позвал кошку. Она протиснулась в комнату, замурлыкала
и ничего особенного в своем освобождении не нашла.

Люда, гостья, проходила в комнату, а Альфред, ее собака, оста-
вался возле сундука, у входной двери крошечной прихожей. Хо-
зятские кошки и Альфред давно и хорошо знали друг друга. Он
деликатно избегал встречаться с ними взглядом, смотрел вкось,
в стенку, с выражением: – Я человек, в смысле собака, маленький
и тут за компанию, а сам бы никогда к вам не поперся. Он дейст-
вительно был небольшой. И они его никогда не трогали. А тут
непонятно, что на нее нашло, Соня прыгнула с сундука на спину
Альфреда. Сначала долго его рассматривала, а потом решила ис-
следовать, какой он на ощупь. Прыгнула безо всякой злости. Без
предупреждающих стандартных угрожающих ритуалов. Может
быть, она пошутила? Когда он вопил и метался, я думаю, главная
мысль его была: «За что?».

На киностудии среди выброшенных канцелярских бумаг до-
вольно экзотического содержания, типа «смета на изготовле-
ние накладного живота Эйзенштейна», я нашел инструкцию по
кормлению дрессированных кошек. Я прочитал ее, поразился
количеству и качеству рекомендуемой пищи и спрятал подальше
от своей кошки.

Бульдозер разворошил кучу мусора возле деревянного барака
вохровского общежития. Было холодно, и все крысы спрятались

в общагу. Когда я пришел со смены, Чернушка сидела на моей кровати с крысой во рту. Я аккуратно взял ее за шиворот и понес их обоих к окну, чтобы выпроводить на улицу. У открытой форточки кошка догадалась о моих намерениях и отпустила крысу. Крыса, полуживая, поняла это как шанс и припустила, хромая, под кровать. Пришлось отпустить и кошку. Она живо догнала раненную крысу и опять уселась на мое одеяло. Я опять взял Чернушку за шиворот и понес к окну. У окна она снова бросила крысу. Три раза, как положено в сказках, повторялась процедура, а потом я согнал ее с кровати, и она занялась крысой на полу посередине комнаты.

Дворняжка Шавка Белова очень любила маленьких человеческих детей (не в смысле кушать, боже упаси, а так, как, поговаривают, их любил бездетный Ленин). Если ее прогулка в парке случайно совпадала с прогулкой младшей группы детского сада, она неслась, как безумная, им навстречу, разрезала их попарно выстроенные ряды и валилась на спину прямо в гуще детей. Два десятка нежнейших пальчиков чесали, мяли ее живот, а на лице собаки появлялось выражение счастливого блаженства. Воспиталки знали собаку давно и уже никак не реагировали.

Нескольким грачам, и Люсьену в том числе, предложили сняться в кино. В роли ворон. Они думали, что-то гламурное, ну, скажем, свадьба или пускай даже похороны, но дорогие. А оказалось, что надо просто сидеть на мусорном бачке с куском мяса во рту, еще и на общем плане. Человек, выдававший себя за режиссера, оказался проходимцем, ловцом птиц. После съемки он, не заплатив, всех отпустил за ненадобностью. Только Люсьен не улетел, потому что при переезде в тесной клетке повредил крыло. Теперь он на птичьих правах «жертвы кинематографа» живет в мастерской художника. Целый день вертится перед зеркалом – кормит свое отражение и критикует, критикует все, что художник забыл отвернуть лицом к стенке. Говоря на языке грубой прозы, этот матерый искусствовед готов обгадить любую работу, в любой технике, но, конечно, удобнее всего ему сидеть на скульптуре – такова анатомия этого существа. Иногда он и сам пробует творить. Пятую весну в период гнездования Люсьен пытается по-своему разложить

мусор на полу мастерской. Рвет бумагу на мелкие кусочки, колет щепки, разбивает клювом ненужные лазерные компакт-диски и бросает все это в свое ведро с питьевой водой. Что-то подобное я наблюдал на выступлении известного мастера перформанса, но и тогда, и сейчас я не понимаю мэсидж автора до конца.

История, рассказанная Витей Карповым, родным братом Олега Ястремского и другом Петра Кулаковского, ни к селу ни к городу: – У испанского консула жил-был кот. Ужасный гулена. Мог и на неделю куда-нибудь завесться, – а мог и три где-то шататься. Испанский консул его очень любил и томился в его отсутствие. И вот однажды в такой период кошачьего загула консула переводят в другую страну, неожиданно и срочно. Что делать? Консул человек государственный, подневольный. Горюй не горюй, а ехать надо. Не дождался, не попрощался с любимцем и уехал. Прислали другого. Тот обустроился, пообвыкся. Живет-поживает, проходит неделя, другая, и вдруг является сильно похудевший кот. Грязный. Орет, требует внимания и пищи, ведет себя как дома, а новый консул в полном удивлении и ничего не понимает. Всё.

Собака Циля была вдова. Ее муж Ньюма работал сторожем в столярной мастерской киностудии, а она была при фотоцехе. Не фотомоделью, а так просто ходила, как пришитая, за начальницей. Собака-компаньон это называется, но без участия в прибылях, разумеется. На киностудии сменялись директора (читай Салтыкова-Щедрин, «История одного города») – один за другим. Закрывались производственные цеха, увольнялись их начальники, уже перестали снимать кино, и только инженер по технике безопасности оставался прежним. И они полюбили друг друга. Циля и этот серьезный, совершенно лишенный чувства юмора человек. Она теперь сопровождала его на все более редко случавшийся инструктаж. Помещения отдавали в аренду сапожникам, ювелирам, любителям индийских танцев. Погибла она по-дурацки, по вине хозяина, который запер ее в своем кабинете на четвертом этаже, намазав какой-то мазью, а в это время на киностудии вспыхнул пожар. Новых арендаторов, налоговую инспекцию, поджег «закошмаренный» ими человек. Поджег и себя

тоже в знак протеста против «беспредела». Погибло восемь человек и ни в чем не повинная собака. Она задохнулась, угорела, потому что не могла выскочить наружу. А налоговики погибли потому, что нарушили технику безопасности: забили наглухо пожарный черный ход.

У старого Кирилюка было четыре собаки. Летом по вечерам он водил их к реке. Но запомнились только две из них. Кирилюк бросал в воду, подалее, рукавицу, набитую тряпками, и требовал от маленькой старой болонки Чапика принести «апорт». Чапик плакал, говорил, что не умеет плавать, а безжалостный Кирилюк каждый раз одинаково беспощадно бросал собаку в воду. Конечно, она плыла – ведь все собаки умеют плавать, но не за рукавицей, уносимой течением, а назад к берегу. А в это самое время перед хозяином вертелась, заглядывая в глаза, большая дворняга Дружок. Дружок получал разрешение плыть только тогда, когда рукавица приближалась к опасной быстрине мелководья под мостом. И этот заплыв превращался в настоящий волнующий «саспенс».

Вечером Вова П. принес на съемную квартиру картонную коробку и положил под кровать – чтоб не очень бросалась в глаза. В коробке из-под фотобумаги «Бром портрет» стопка тончайшей папиросной бумаги. На бумаге машинописная копия книги А. Солженицына «В круге первом», так называемый «самиздат». А сейчас, утром, когда Вова собирается на занятия, коробка открыта, а часть страниц скатана в шарики, и на них расположилась рожать хозяйская кошка. Она очень довольна своей выдумкой. А Вова нет. Перепечатка чужая, дана с большими предосторожностями и неохотой. Слезно выпрошенная. Получается, что кошка хорошая мать, а Вова – человек, которому нельзя доверить КНИГУ! Кошка действительно очень хорошая мать, а Вова – хороший реставратор. Листы он прогладил утюгом и наклеил на новую бумагу. Александр Солженицын – великий русский писатель. Сейчас его книгу можно купить в любом книжном магазине и поставить дома на самом видном месте.

На улице Островидова, в 35 номере во дворе налево и по лестнице на самый верх, в мансарде, фактически чердаке, в нежилом помещении жили художники и писатели. Почти всю мебель они выбросили из-за клопов. У писателя Попова сохранился свой мебелированный уголок. Он так и назывался: «Уголок писателя Попова» – и состоял из глубокого кресла (часто в нем любил мечтать приходящий поэт) и круглого стола. Другой писатель – Билли Бомс (действительно одноглазый), жил на кухне и тоже был собственником мебели, а именно – шкафа, который он переделал в кровать. Билли Бомс был автором всего одной фразы: «Двое лежали на песке и жарились». Дальше дело у него не пошло, застопорилось. Но история совсем о другом. Она о том, как неожиданно и спонтанно был изобретен новый вид единоборств. Писатель Попов повздорил с художником Подгорным и бросил ему на голову кошачьего подростка по имени Фагот (дань моде на Булгакова). Чтобы не упасть, котенок вцепился в высокий лоб художника, а когда писатель потянул его обратно, оставил на лице того красивые параллельные царапины. Единственное, что хочется добавить, это тот факт, что оба – и писатель, и художник – владели приемами карате, тоже модного увлечения, но ни тот, ни другой и не подумали воспользоваться этими навыками.

За вечнозеленым самшитовым кустом уединился крупный щенок с большим куском хлеба. Порядок кормления в стае таков, что если ты не пахан, – на мясное можно не рассчитывать. Не совсем уединился, потому что рядом вертится ворона в надежде на остатки. Щенок очень голодный, жадно глотает и на ворону не обращает внимания. Она подошла сзади и дернула его за хвост. Щенок поднял голову, оглянулся и, очевидно, уже тертый калач, не сдвинулся с места, только выдернул из клюва нахалки свой хвост. Ворона забежала спереди и попробовала схватить хлеб из-под носа – щенок зарычал. Ворона отпрыгнула и начала прохаживаться у него возле морды туда-сюда, провоцируя на прыжок с расчетом вернуться в последнюю секунду. Щенок косил глазом, но от хлеба – ни на шаг. Она снова принялась теребить его хвост, полагаясь, совершенно очевидно, на свое преимущество в скорости передвижения в 3D-пространстве. Бесполезно. А кусок хлеба стремительно уменьшался. Ворона то таскала щенка за хвост, то нарочно неожиданно выскакивала спереди до тех пор, пока он не наелся. А насытившись, он расслабился и обмяк. Стал расхлябанным и добродушным собачьим разгильдяем. Вороне все-таки кое-что досталось. Так, какие-то крошки в траве. Несколько прохожих снимали происшествие мобильными телефонами, но как фотограф я знаю – всякая съемка раздвигает внимание и лишает удовольствия бескорыстного созерцания.

За городом в степи среди распаханного поля торчит небоскреб недостроенного элеватора, а рядом – двухэтажная контора. Я пытаюсь различить буквы на ее фасаде. Две недели я писал тридцатипятиметровой длины лозунг на тему типа: «Решения такого-то съезда в жизнь». Намучился в тесноте «красного уголка», ужасался огромности монументального замысла парторга стройки – и вот, когда изделие повесили, оно совсем потерялось – с большого расстояния и не рассмотришь. По черному полю метет мелкий снег. Холодный ветер загоняет его во все впадины и ямки. И краем глаза я вижу, как совсем рядом с дорогой в земле что-то шевелится. Собака черно-белой, по этой погоде совсем маскировочной масти подняла голову и смотрит на одинокого прохожего. Бугорок рядом с ней тоже оказался собакой этой масти. И когда я при-

смотрелся – по спине вдоль хребта прошел холодок: их было полсотни, и они все провожали меня внимательным взглядом. Как бы вы не любили собак, вид стаи голодных животных за городом, когда рядом на километры ни души...

Сейчас, когда снято огромное количество уникального профессионального и домашнего видео с животными, вид обезьяны, ласкающей кошку, не может вызывать особого удивления. Но лет тридцать назад, когда в одесском зоопарке строгого режима я увидел такую картину – причем обезьяна, как водится, мотает пожизненный срок, а кошка приходящая и в любой момент может свалить на все четыре стороны через достаточно просторную для нее решетку, – я был очень тронут картиной нежной привязанности.

В детстве я, нормальный среднеарифметический мальчик, читал Майн Рида, Купера и Жюль Верна. Я часто воображал себя скачущим верхом на лошади, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но сесть на лошадь верхом удалось только в почти сорокалетнем возрасте. Я проехал один круг вокруг конюшни, за ним другой и услышал свой внутренний голос: – Зачем ты, старый дурак, взобрался на спину животного? Какого рожна тебе от нее надо? Чем она перед тобой провинилась, что ты ее понукаешь? Я тихо слез на землю и извинился перед лошадью.

Нужно ли смотреть домашнее видео с животными? Несомненно. А стоит ли заниматься съемкой? Не думаю.

Свадебный генерал – чау-чау на свадьбе бродячих собак. Грязный и замыкающий процессию.

Рисунки автора

